

Фантас тика
ВЛАДИСЛАВА
КРАПИВИНА

Выстрел с монитора

Гуси-гуси, га-га-га...

Застава на Якорном поле

Крик петуха

Белый шарик Матроса Вильсона

Сказки о рыбаках и рыбках

Лоцман

В ночь большого прилива

Кораблики, или «Помоги мне в пути...»

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

В глубине Великого Кристалла

ЛЕГЕНДА О ХРАНИТЕЛЕ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *В. Коробейникова*

Крапивин, Владислав Петрович.

К77 В глубине Великого Кристалла. Легенда о Хранителе / Владислав Крапивин. — Москва : Эксмо, 2019. — 576 с.

ISBN 978-5-04-101850-4

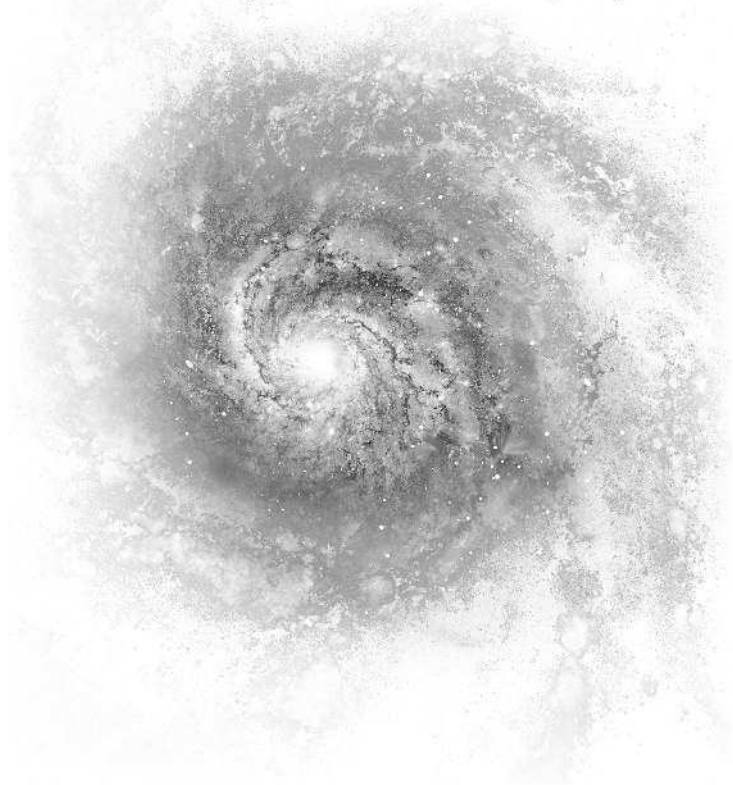
Павлик Самохин, Галиен Тукк, Цезарь Лот, Матвей Радомир – мальчишки, живущие в разных мирах и временах. Но каждый из них обладает уникальными возможностями – путешествовать через грани Великого Кристалла. В этом им помогают Командоры – взрослые с особыми способностями, призванные защищать детей. Повесть «Выстрел с монитора» открывает цикл «В глубине Великого Кристалла», его персонажей, таких как Юхан-трубач и разумный кристалл Яшка, читатель встретит и в других произведениях Владислава Крапивина.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101850-4

© Крапивин В.П., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Выстрел с монитора

ОБСЕРВАТОРИЯ «СФЕРА»
плановое донесение спецгруппы «КРИСТАЛЛ-2»
№142-д

В течение последних трех суток наблюдалось локальное возмущение межузловых четырехмерных полей. В пространстве «Бэта» (максимально приближенная гипотетическая грань) имел место кольцевой ретросдвиг с суточным радиусом. На границе сдвига зафиксировано перемещение малой (ок. 1,7 г) металлической массы — предположительно с характеристикой типа «прокол». Данное явление могло быть как причиной, так и следствием возникновения Т-кольца. Могло быть также и случайностью, не имеющей связи с ретросдвигом. (Особое мнение мл. науч. сотр. М. Скицына: «Последнее исключается. Связь несомненна».)

Далее (в пределах амплитуды) отмечено «эхо» поля «VITA», совпадающее с теоретическими расчетами М. А. Мохова. Тем не менее группа не считает этот факт достаточным, чтобы рассматривать «эхо» как резонанс явлений типа «переход» или «бросок» (по М. А. Мохову — «Мёбиус-вектор»).

Примечание: мл. науч. сотр. М. Скицын считает, что «эхо» есть именно резонанс «Мёбиус-вектора».

Что касается понятий, предложенных нам Центром под шифрами «Дорога», «Окно» и «Командор», группа счи-

тает, что данные абстрактно-философские категории программированию и анализу не подлежат и к теме «Кристалл-2» отношения не имеют. (Особое мнение мл. науч. сотр. М. Скицына: «Имеют».)

* * *

...Сюжеты о Командоре — продукт студенческого (в основном стройотрядовского) фольклора периода активной реставрации исторических памятников и увлечения модными, хотя и псевдонаучными, идеями о многомерности миров и явлений. Заметного влияния на молодежное самодельное творчество не имели.

(Из рукописи доцента Т-ского пединститута
У. О. Валуевой,
изданного на правах рукописи)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗГНАННИКИ

ПАРОХОД «КОБУРГ»

1

Пристань Лисьи Норы построена у низкого травянистого берега, недалеко от поселка с тем же названием. Поселок большой. Можно сказать, городок. Но «метеоры» и «кометы» минуют Лисьи Норы, не сбавляя хода. И когда кто-нибудь хочет попасть на такое быстрое судно, он должен ехать на пристань Столбы. Отсюда на теплоходе с подводными крыльями можно за четыре часа добраться до самого устья. Но это если повезет с билетом... В разгар лета, когда в здешних краях полно рыбаков, туристов и прочего отдыхающего народа, купить билет на скоростное судно не так-то легко. Поэтому три колесных пароходика местной линии тоже не остаются без работы.

Здешние жители называют их «смолокурами» (потому что пароходики давно уже работают не на угле, а на мазуте). «Смолокурам» не меньше чем по полсотни лет. Но они еще бодро шлепают гребными досками и громко, хотя и сипловато, гудят у сельских пристаней. Уж они-то в отличие от «комет» и «метеоров» не пропускают ни одного деревенского дебаркадера. С дебаркадеров спешат на пароход неразговорчивые бабки с гогочущими гусями в корзинах, гладко выбритые районные уполномоченные,

которых командировали в «глубинку», а иногда и местные мальчишки — они не прочь «зайцами» прокатиться до соседней деревни.

В «смолокурах» не чувствуется смущения перед современными судами. В их неторопливости — солидность пожилых работников, занятых не очень заметным, но необходимым делом. И может быть, даже усмешка по поводу нынешней суетливой жизни.

От Лисьих Нор до устья «смолокур» добирается через двое суток. Если северо-западный ветер гонит с залива крутую мутно-желтую волну, пароход швартуется в Лесном Заводе, у деревянного пирса под защитой Мохнатого мыса. А когда в заливе тихо, он шлепает до самого Кобурга, к большой радости туристов, которым не терпится осмотреть развалины здешней крепости.

Развалинами крепость сделалась в последнюю войну. А в начале позапрошлого века ее, целехонькую, после неустойчивой двухнедельной осады вежливо сдал генералу Кобургу не то шведский, не то прусский гарнизон. Малоизвестный и не избалованный победами генерал-майор был так упоен свалившейся на него удачей, что присвоил крепости и городку свое имя. Сенат и Морская коллегия посмотрели на это мелкое самоуправство сквозь пальцы, и потому имя сохранилось до наших дней. И не только сохранилось, но дало название одному из «смолокуров» (два других называются «Декабрист» и «Кулибин»).

Второго августа «Кобург» подошел к Лисьим Норам после полудня и полтора часа попыхивал у дебаркадера, поджидая пассажиров. На сей раз их оказалось немного. Устроилась на кормовой палубе компания стройотрядовских ребят. Потом поднялся по сходням высокий пассажир в серовато-белой парусиновой куртке.

Пассажир был высок, прям, но еле заметно прихрамывал. Он словно хотел иногда опереться на трость, но

вспоминал, что ее нет, и выпрямлялся еще больше, неловко дернув правой рукой. В левой он держал клеенчатый чемодан. Лицо у пассажира было длинное, в резких складках, с мясистым носом, который нависал над впалым прямым ртом. Гладкие волосы, почти сплошь седые, разделял несовременный пробор. Брови, тоже с сединой, торчали мелкими клочками. Из-под этих бровей пассажир быстро, но цепко оглядел небритого пассажирского помощника с полинялой синей повязкой на рукаве, когда тот спросил билет.

— В третью каюту, — буркнул помощник, но потом почему-то подтянулся, кашлянул и добавил: — Пожалуйста...

В полутемном коридоре, где были двери шести кают, стоял особый «пароходный» запах: старой масляной краски, теплого железа, машинной смазки, речной воды и близкого буфета. Пассажир поморщился и чемоданом двинул внутрь приоткрытую дверь.

Кабюта оказалась узкая, с двумя деревянными койками — одна над другой. Напротив коек привинчен был к стене белый крашенный стол, рядом стояло старомодное кресло с вытертым красным плюшем, у окна — конторский стул. У двери светился белым фаянсом умывальник со старинным медным краном. Из крана капало.

— Милая эпоха Сэмюэля Клеменса, — глуховато сказал пассажир. Он был, видимо, доволен тем, что оказался в каюте один. Поставил чемодан под стол, медленно сел в кресло и прислонился затылком к плюшевой спинке. Прикрыл глаза.

Пока человек так сидит, скажем о нем еще несколько слов. Договоримся называть его просто Пассажиром. Во время бесед с мальчиком они так и не узнали имен друг друга. То ли мешало какое-то смущение, то ли, наоборот, возникло внутреннее согласие, при котором ясно, о чем спрашивать можно, а о чем не надо...

Итак, Пассажир. Можно было бы назвать его и Стариком, но это не совсем точно. Был он очень пожилой, но полным стариком не казался даже мальчику.

2

Мальчик появился на пристани перед самым отчаливанием «Кобурга». Невысокий, в синей круглой кепчонке с большим козырьком и белой надписью «Речфлот», с такой же синей спортивной сумкой на ремне с кольцами. Ремень был длинный, сумка сердито швыркала по пыльно-загорелой ноге, когда мальчик шел от кассового домика к дебаркадеру по тропинке среди подорожников и луговой каши.

Он шел независимо.

Кепка на нем была надета козырьком назад. Из-под нее на затылок и виски спускались темные сосульки давно не стриженных волос.

В трех шагах позади мальчика так же независимо и молчаливо шла старая женщина. Сухая, рослая, в беретике.

Тропинка привела к мутной луже посреди травы. Это была, видимо, постоянная лужа, через нее перекинули сходню — две доски с поперечными брусками. Мальчик решительно ступил на доски, они хлопнули, вода выплеснулась из щели и забрызгала кеды.

Бесцветно-ровным голосом, но отчетливо женщина сказала:

— Промочишь обувь и носки, а запасных у тебя нет.

Худые лопатки мальчика шевельнулись под выцветшей, в бело-розовую клетку рубашкой. Это неуловимое движение стоило нескольких фраз: «Зачем говорить чепуху — какие-то несколько капель; и вообще я как-нибудь сам о себе позабочусь; я же понимаю, что дело не в брызгах, а просто вам надо что-то сказать, потому что

идти вот так и молчать вам тошно; но уж если кто-то виноват в этом, то никак не я...»

Перешли лужу, и спутница мальчика заговорила опять:

— Все-таки я не понимаю, почему ты не взял чемодан с вещами...

Не обернувшись, но оч-чень вежливо мальчик сказал:

— Ведь я же объяснил, Анна Яковлевна: я оставил чемодан в залог за испорченные часы.

— В конце концов, это просто нелепо... Ты ставишь меня перед своими родителями в двусмысленное положение.

Мальчик опять шевельнул спиной...

Пассажир открыл глаза, когда мальчик и его спутница вошли. Он был, без сомнения, джентльмен и, увидев женщину, хотел было встать. Но поморщился и остался в кресле.

— Извините, — сказала Анна Яковлевна, — мы вас побеспокоили. Судя по билету, здесь место мальчика... Я понимаю, вам, наверно, приятнее путешествовать одному, но что поделаешь...

Пассажир все-таки поднялся. Прямой, седая голова под самый плафон.

— Ничего... — Он даже улыбнулся. Он, видимо, сперва решил, что в каюте поселится эта пожилая дама, и теперь был доволен: мальчик — более удобный сосед. — Я думаю, мы поладим.

Анна Яковлевна посмотрела на мальчика:

— Я уверена: ты будешь вести себя так, чтобы не стеснять взрослого человека.

— Я тоже в этом совершенно уверен... — Мальчик аккуратно устроил кепку на вешалке у двери и поставил на стул сумку. Она, полупустая, мягко осела. Анна Яковлевна сухо сказала:

— Папе я вечером позвоню.

Мальчик наклонился и опять поднял голову, поправил на стуле сумку. Анна Яковлевна проговорила:

— Я думаю, у тебя нет оснований на меня обижаться.

— Ни в малейшей степени, — сказал мальчик сумке.

Анна Яковлевна коротко вздохнула:

— Что поделаешь, раз мы оба люди принципов...

Пароход басовито гукнул два раза.

— Вы можете опоздать на берег, Анна Яковлевна.

— Прощай.

Он аккуратно кивнул опять и, когда она ушла, вдруг обмяк, неуловимо повеселел. Теперь стало заметно, что лицо у него не твердое, не упрямое, а живое и готовое к улыбке.

Это был мальчишка лет одиннадцати, узкоплечий, но круглолицый, толстые губы, нос сапожком, глаза цвета густого чая. В глазах этих еще держалась недавняя напряженность и досада, но на Пассажира мальчик глянул без хмурости, с нерешительным любопытством: что вы за человек? Правда поладим?

ИСТОРИЯ С АКВАПЛАНОМ

1

Тяжело ворочая колесами, пароход стал отодвигаться от пристани. Толчки поршней и вибрация вала передались ногам сквозь каютную палубу. Мальчик переступил, будто от шекотки. Он держался за спинку стула и смотрел в окно.

Пассажир опять опустил в кресло, достал из внутреннего кармана свернутый цветной журнал... Шаткая дверь от вибрации отошла. Из коридора снова дохнуло разными запахами и больше всего буфетом.

— Можно я открою окно? — тихо сказал мальчик.

Пассажир зашевелился:

— Сделай одолжение. Я сам хотел попросить... — Голос у него был низкий, с прикашливанием.

Квадратное окно совсем не походило на морской иллюминатор. С верхнего карниза свешивалась куца занавеска в цветочках. Стекло в деревянной раме дребезжало.

В полуметре от пола под окном тянулась белая труба, видимо отопление. Мальчик встал на трубу, откинул на раме боковые крючки, потянул вниз брезентовую петлю. Перекошенная рама сперва сопротивлялась, потом со стуком опустилась в пазах. Мальчик виновато ойкнул.

Он уперся коленями в узкую подоконную доску, грудью лег на край опущенной рамы и по плечи высунулся из окна.

Увешанный спасательными кругами дебаркадер уходил назад. Берег отодвигался. День был теплый, но почти без солнца. Лишь изредка желтые проблески вылетали из-за мягких серых облаков. Сварливо перекликались чайки.

Мальчик медленно вздохнул — то ли от каких-то переживаний, то ли просто от речного воздуха. Вдыхать было неудобно: рама давила на ребра. Стоять было тоже неловко: острый край подоконной доски резал колени. Но мальчик стоял долго. Влажный воздух шевелил у него волосы, входил через плечи в каюту, качал занавеску, и она щекотала мальчику шею.

Берег сделался выше, и пристань исчезла за мысом... Пассажир вдруг сказал:

— Голубчик, если не трудно, подвинься немного в сторону. Читать будет посветлее.

Мальчик торопливо сдвинулся в окне, прижался плечом к его краю. Так он стоял еще минуту, затем прыгнул с трубы, потер колени, подумал и шагнул к стулу. Достал из сумки растрепанную пухлую книжку.